-ИННОВАЦИИ В МИРЕ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.12.2025 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2025-12-260-265
Дата принятия рукописи в печать: 09.01.2026 г.

ГОНЧАРОВ Андрей Владимирович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского института
(филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: goncharov2006@mail.ru

АДАПТАЦИЯ ИНСТИТУТА СМЕЖНЫХ ПРАВ К ВЫЗОВАМ ЭПОХИ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы адаптации института смежных прав к современным вызовам эпохи нейросетевых технологий. Анализируется изменение общих подходов к смежным правам в цифровую эпоху, возможность применения конструкции смежных прав в отношении прав на системы искусственного интеллекта на базе нейросетей. Исследуется вопрос о целесообразности и пределах возможных ограничений смежных прав для целей обучения нейросетей, а также использования института смежных прав для охраны контента, сгенерированного искусственным интеллектом. Работа направлена на выявление правовых механизмов, способных обеспечить баланс интересов правообладателей, разработчиков инновационных технологий в области искусственного интеллекта, а также пользователей данных технологий.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, исключительные права, майнинг текста и данных, нейросети, смежные права.*

GONCHAROV Andrey Vladimirovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Public Law Disciplines,
Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian
State University of Justice, Saint-Petersburg, Russia

ADAPTATION OF THE RELATED RIGHTS FRAMEWORK TO THE CHALLENGES OF THE ERA OF NEURAL NETWORK TECHNOLOGIES

Annotation. *The article examines the adaptation of the related rights framework to the contemporary challenges of the era of neural network technologies. It analyzes changes in the general approaches to related rights in the digital age and explores the possibility of applying the related rights construct to the rights in artificial intelligence systems based on neural networks. The study addresses the advisability and limits of potential exceptions to related rights for the purpose of training neural networks, as well as the use of the related rights framework to protect content generated by artificial intelligence. The work aims to identify legal mechanisms capable of ensuring a balance between the interests of rights holders, developers of innovative AI technologies, and users of these technologies.*

Key words: *artificial intelligence, copyright, text and data mining, neural networks, related rights.*

Актуальность темы исследования обусловлена следующими обстоятельствами. Последние годы характеризуются бурным развитием генеративных нейросетей, именуемых в литературе также «системами искусственного интеллекта». Создаваемые с их помощью объекты все сложнее отличить от произведений, созданных людьми. Традиционное право интеллектуальной собственности оказалось не способно справиться с возникшими вызовами. Потребность в совершенствовании законодательства для обеспечения баланса интересов

разработчиков нейросетей, их пользователей и общества в целом признается государствами во всем мире.

Целью исследования является выявление возможностей института смежных прав при регулировании использования нейросетей, используя, преимущественно, историко-правовой, сравнительно-правовой и догматический методы.

1. Эволюция юридической конструкции смежных прав в цифровую эпоху

В начале XX в. развитие технологий звукозаписи, радио- и телевещания, сделало возможными распространение объектов авторского права в невиданных ранее масштабах. Появилась необходимость защиты интересов исполнителей, к результатам творчества которых (в виде записей исполнения и трансляций) стал возможен доступ широкой аудитории, а также интересов «посредников» между авторами и аудиторией: организаторов звукозаписи и трансляций.

Национальные правовые системы различным образом учитывали данные потребности. Так, в России еще при обсуждении закона «Об авторском праве» (утвержден 20 марта 1911 г.), высказывалось мнение о необходимости дополнить его «…постановлениями об авторском праве исполнителя музыкального произведения» [1, с. 103]. Однако до принятия Закона РФ от 9 июля 1993 г. «Об авторском праве и смежных правах» законодатель не признавал интеллектуальных прав за данными субъектами (равно как и за производителями фонограмм, организациями вещания).

На международном уровне права исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций были признаны в 1961 г., когда была принята первая конвенция по данному вопросу. Эти права получили название «смежных» (related, neighbouring) прав.

Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 г. (далее – ТРИПС) обязало государства-члены Всемирной торговой организации защищать права исполнителей и производителей фонограмм (звукозаписей) в течение 50 лет, права вещательных организаций – в течение 20 лет (ст. 14).

С развитием цифровых технологий, прежде всего, Интернета, появилась потребность «адаптации» смежных прав к новой реальности. В Договоре Всемирной организации по интеллектуальной собственности по исполнениям и фонограммам 1996 г. эти права дополнили новым правомочием – разрешать «предоставление» любым лицам доступа к таким объектам из любого места и в любое время (в том числе посредством сети Интернет). В ЕС еще более существенная адаптация указанных смежных прав была осуществлена в 2001 г. (Директива 2001/29/ЕС от 22 мая 2001 г.).

В 1990-е годы существенно изменилось правовое положение создателей баз данных. Изначально к ним применяли положения о правах авторов сборников (компиляций), при этом различные страны демонстрировали различные подходы к этим правам и их защите. Так, Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений с 1886 г. предусматривает охрану прав авторов сборников произведений при условии, что подбор и расположение их материалов являются интеллектуальным творчеством (п. 5 ст. 2). В странах общего права в XIX в. и на протяжении большей части XX вв. господствовала доктрина «пота лица» (sweat of the brow), согласно которой в случае со сборниками защищается не творческий вклад составителя, но его труд и инвестиции, отказ от нее произошел в США в 1991 г., в Великобритании в 2009 – 2010 г.г.

Когда количество и значение различных баз данных стало экспоненциально расти, были предприняты попытки унифицировать подходы к их защите. Так, в 1994 г. ТРИПС распространило охрану, предоставляемую Бернской конвенцией, на компиляции фактических материалов, сохранив тот же критерий охраноспособности (п. 2 ст. 10).

Органы ЕС выбрали иной подход. Директива 96/9/ЕС от 11 марта 1996 г. предусмотрела авторское право составителя базы данных на ее структуру, а также особое (sui generis) право создателя базы данных на защиту от извлечения и повторного использования существенных частей базы, возникающее при условии существенных инвестиций для получения, проверки или представления материалов (art. 7 (1)). Схожий с европейским подход был использован российским законодателем в ГК РФ (п. 2 ст. 1260, п. 2 ст. 1333, п. 1 ст. 1334).

В 2004 г. Европейский суд справедливости уточнил, что под инвестициями в создание базы данных следует понимать только инвестиции в поиск, проверку, включение материалов в базу данных, но не в создание данных материалов. Это решение послужило основой для формирования доктрины «побочного продукта» (spin off), согласно которой базы данных, возникающие как побочный результат основной деятельности и не предполагающие самостоятельных инвестиций в получение данных, не подпадают под режим охраны sui generis [2, с. 35]. Эту позицию фактически воспроизвел российский Суд по интеллектуальным правам в Обзоре практики от 18 ноября 2021 г.

В 2019 г. ЕС принял Директиву 2019/790, направленную на адаптацию авторских и смежных прав к реалиям цифрового рынка. Она, в частности, предусматривает возможность «майнинга текста и данных» для научных исследова-

ний исследовательскими организациями без согласия правообладателя (art. 3(1)). В иных случаях такой майнинг допустим только для материалов, легально доступных онлайн, и если правообладатель не запретил такое использование (art. 4).

Таким образом, конструкция смежных прав, возникшая как ответ на изменения в условиях производства и распространения контента, в настоящее время подвергается определенной трансформации. Российская правовая система ориентируется на общеевропейские подходы, однако пока не восприняла некоторые из выработанных решений.

2. Нейросеть как объект смежных прав

В настоящее время статус нейросетей как объектов гражданских прав является достаточно спорным. Этот объект имеет информационную природу, а значит, должен охраняться также, как иные подобные объекты, посредством установления интеллектуальных прав.

Спорным является вопрос, следует ли рассматривать ее как простой объект гражданских прав, или как сложный, включающий в себя другие объекты.

Многие авторы придерживаются первого подхода, определяя ИИ как «алгоритм», «программу» [3, с. 138].

Другие авторы пишут о «системе ИИ» как о сложном объекте. Так, по мнению А. Е. Царевой, любая такая система включает «…охраняемые и неохраняемые результаты интеллектуальной деятельности, иные технические процессы и информацию» [4, с. 82]. С этим утверждением в целом можно согласиться, однако вместо «технических процессов» уместнее использовать термин «технологии». Л. Ю. Василевская также считает, что «речь идет о сложноструктурном объекте гражданских прав, в котором основным системообразующим элементом… выступают компьютерные программы» [5, с. 37].

Представляется, что нейросеть включает в себя, как минимум:

1) компьютерные программы, обеспечивающие ее обучение и взаимодействие с пользователем. Они являются самостоятельным объектом охраны либо как литературные произведения (в России и ряде других странах), либо как изобретения (например, в Великобритании);
2) математические модели и алгоритмы, на которых основано ее функционирование. Они могут охраняться самостоятельно как секреты производства (иногда – как изобретения);
3) параметры модели, включая веса, архитектуру и конфигурацию слоев и другие параметры, определяющие поведение модели после обучения. Охранять соответствующую информацию можно пока лишь как секрет производства.

Следует отметить, что ГК РФ предусматривает понятие сложных объектов интеллектуальной собственности (ст. 1240 ГК РФ), однако их перечень является закрытым. По мнению Л. Ю. Василевской, это «…противоречит реалиям имущественного оборота в сфере инноваций» [5, с. 38], необходимо «…выделять единое право на искусственный интеллект, а не только отдельные права на входящие в него различные РИД». Этим правом должен наделяться «организатор создания искусственного интеллекта» [5, с. 39-40]. Данная позиция представляется обоснованной.

Стоит отметить, что в исследовании, проведенном британскими властями, многие разработчики нейросетей отмечали, что существующая в стране система патентования не в полной мере учитывает специфику связанных с ИИ инноваций. Некоторые отмечали, что необходимо особое право в данной области, которое будет учитывать низкую стоимость разработок и быстрое их устаревание в данной области [6].

Еще менее пригодной для защиты нейросетей представляется российский подход, при котором ключевой компонент данных систем – программное обеспечение, охраняется как литературное произведение. Как справедливо отмечает А. Гаон, с развитием технологий время жизни систем ИИ и компьютерных программ будет все короче, предоставление долгосрочной защиты в данном случае неразумно [7, p. 165].

Таким образом, нейросеть (система ИИ) фактически представляет собой сложный объект интеллектуальных прав, включающий компьютерные программы, математические модели и алгоритмы, полученные в результате обучения параметры. На эти компоненты могут возникать самостоятельные интеллектуальные права. Целесообразно установление единого (смежного) права на нейросеть, которым должен наделяться ее разработчик (организатор создания). Целесообразно допустить распоряжение этим правом, если это не нарушает интеллектуальных прав на иные объекты, входящие в состав нейросети.

3. Использование объектов смежных прав для обучения нейросетей

Известно, что для обучения нейросетей нужны данные, желательно хорошо структурированные. В связи с этим создатели нейросетей нередко пытаются получить к базам данных, созданным другими лицами – с разрешения их создателей либо без такового. Как указывают сами разработчики, второй способ применяется ими, поскольку лицензирование использования обуча-

ющих материалов недоступно небольшим компаниям, кроме того, для лицензирования доступен лишь небольшой объем имеющихся данных, недостаточный для эффективного, не подверженного искажениям обучения ИИ [6].

Споры по поводу допустимости «скрэпинга» (автоматизированного сбора информации, находящейся в публичном доступе, для дальнейшего использования) продолжаются уже много лет. Изначально они не были связаны с системами ИИ. Так, в широко известном споре компания LinkedIn (владелец одноименной социальной сети) потребовала от компании hiQ Labs прекратить собирать информацию с публичных профилей пользователей соцсети, ссылаясь на запрет несанкционированного доступа к чужим компьютерным системам. hiQ Labs, в свою очередь, потребовала запретить LinkedIn препятствовать ее работе, ссылаясь на запрет недобросовестной конкуренции (информация из профилей использовалась ею для предоставления услуг в сфере трудоустройства). Дело пересматривалось несколько раз, но итоговое решение, вынесенное в 2022 г., было в пользу hiQ Labs. Следует отметить, что в данном деле не использовались аргументы, связанные с нарушением прав интеллектуальной собственности, поскольку в США признаются только авторские права на базы данных (при наличии творческого вклада).

В настоящее время на рассмотрении американских судов находятся несколько дел владельцев баз данных к компаниям – разработчикам нейросетей. Так, Getty Images, Inc. – один из ведущих мировых поставщиков контента (в основном, фотографий), судится со Stability AI, Inc. – создателем генеративной нейросети Stable Diffusion, обвиняя последнюю в копировании миллионов изображений с ее веб-сайтов (где предлагались для лицензирования), вместе со связанными описаниями и метаданными, с целью обучения нейросети. Обвинения касались нарушения исключительных прав на изображения (на часть из них Getty Images обладает исключительными правами, другие лицензирует), на товарный знак Getty Images (поскольку на исходных изображениях он был размещен в качестве «водяного знака», на сгенерированных нейросетью изображениях он также появлялся), на базу данных (Getty Images потратила годы и сотни млн. долларов на создание базы данных изображений, осуществляя их отбор, создавая для них идентификаторы, упорядочивая их таким образом, чтобы можно было осуществлять поиск и фильтрацию изображений).

В деле CV Online Latvia v Melons (C 762/19) Суд ЕС подчеркнул, что право sui generis производителя базы данных защищает только окупаемость инвестиций, но не должно препятствовать разработке новых продуктов и услуг с экономической или технической ценностью. Соответственно, извлечение и использование содержимого базы данных не считается нарушением, если оно не создает реального риска потери инвестиций производителя.

В России в делах о «скрэпинге» истцы нередко ссылаются на нарушение смежных прав на базы данных. О сложностях, возникающих при рассмотрении такого рода споров, свидетельствует шестилетняя история разрешения конфликта между компаниями «ВКонтакте» и «Дабл Дата», закончившаяся в итоге мировым соглашением (Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23 сент. 2022 г. по делу № А40-18827/2017).

Достаточна очевидна необходимость принятия в Российской Федерации специальных правил, касающихся использования баз данных (включая социальные сети), для целей майнинга текста и данных.

Е. А. Войниканис отмечает, что «ключевая тенденция последних лет – смещение интересов и ценностей от защиты технологий хранения данных и самих данных в сторону защиты доступа к данным и технологий их обработки…» [2, с. 40]. В качестве примера можно привести упоминавшуюся Директиву ЕС 2019/790, а также Закон об авторском праве Сингапура 2021 г., предусмотревший возможность свободного использования баз данных для целей майнинга текста и данных, включая коммерческое использование.

Российская Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. предусматривает в качестве одного из направлений обеспечение благоприятных и «особых» правовых условий для доступа к данным (подп. «а» и «б» п. 49). Таким образом, назрела необходимость внедрения в российское право правил, аналогичных европейским:

– не должны считаться нарушением смежных прав на базу данных случаи, которые не затрагивают коммерческие интересы правообладателя;
– контент, доступный онлайн для широкой публики, должно быть разрешено использовать для «майнинга текста данных» в некоммерческих целях, а в коммерческих целях – если иное прямо не указано правообладателем.

4. Применение конструкции смежных прав для защиты контента, сгенерированного нейросетью

В настоящее время, разрешая вопрос о защите контента, сгенерированного нейросетью, правовые системы защищают прежде всего творческий вклад человека.

Некоторые из них учитывают, что компьютерные системы также могут использоваться для создания объекта интеллектуальной собственности, различая две ситуации:

1) когда компьютер выступает в качестве инструмента для человека-автора. В этом случае автором и обладателем прав на произведение считается человек, пользующийся данным инструментом.

Во многих случаях генерация объектов происходит при непосредственном участии пользователя, а их качество в немалой степени зависит от навыков пользователя по настройке параметров нейросети, составлению запросов, отбору промежуточных результатов и других манипуляций. В этой ситуации интеллектуальные права на сгенерированные нейросетью объекты могут быть признаны за лицом, использующим систему на законном основании (пользователем). Безусловно, в тех случаях, когда роль пользователя в генерации контента минимальна, а доступ к системе ИИ является бесплатным, такое решение проблемы может дестимулировать разработчиков и иных заинтересованных лиц инвестировать в развитие систем ИИ [7, p. 169–170];

2) когда объект полностью создан компьютерной системой.

В этом случае какие-либо права на него чаще всего не признаются. Так, Пленум Верховного Суда РФ подчеркивает, что «…результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека… объектами авторского права не являются» (п. 80 Постановления от 23 апреля 2019 г.).

Однако при этом возникает серьезная проблема: отсутствие какой-либо правовой защиты для сгенерированного контента создает стимулы для приписывания их авторства себе любыми лицами (которое невозможно будет оспорить в суде из-за отсутствия реального правообладателя). Это, в свою очередь, способно породить недобросовестную конкуренцию «псевдоавторов» и настоящих творцов, причем заведомо проигрышную для последних: та работа, на которую люди затрачивают много сил и времени, ИИ способен выполнять за доли секунды. Уже известны случаи, когда сгенерированные изображения получают награды на художественных конкурсах. На платформах цифровых художников (например, ArtStation), где они, в числе прочего, находят заказчиков, уже к декабрю 2022 г. появилось огромное количество сгенерированных работ (в том числе выдаваемых участниками платформ за свои). Большой объем сгенерированных изображений (в том числе без указания, что они созданы ИИ) присутствует на «микростоках» (сайтах, которые предлагают для лицензирования загруженные пользователями изображения). Представляется, что без признания прав на контент, сгенерированный нейросетями, эту проблему не решить.

В некоторых странах авторство сгенерированных компьютером работ признается за разработчиком. Так, в Великобритании, согласно Закону 1988 г. (Copyright, Designs and Patents Act), в случае литературных, драматических, музыкальных или артистических произведений, созданных компьютером, автором должно признаваться лицо, которое осуществляет организационные меры по созданию работ (sec. 9(3)). Проблема заключается в том, что для получения защиты сгенерированный контент должен обладать оригинальностью, которая предполагает творческий вклад человека.

Н. В. Бузова справедливо отмечает, что «… если таким объектам и будет предоставляться охрана, то только как результатам организационных усилий тех лиц, которые организовали создание и применение соответствующих технологий или сервисов для достижения конкретных результатов, и предоставляемые права должны относиться к смежным правам» [8, с. 68].

Решение предоставлять права на сгенерированный контент только разработчикам имеет вполне очевидные недостатки. В частности, появляется проблема «осуществимости» прав: разработчику придется отслеживать генерацию контента и его использование [7, p. 166.].

Оптимальным решением, по мнению некоторых авторов, могло бы быть признание смежных прав и для разработчиков нейросетей, и для пользователей [7, p. 167].

Схожее мнение высказывали некоторые из разработчиков в упоминавшемся исследовании, проведенном британскими властями: следует защищать контент, сгенерированный нейросетями, создав для этого особую категорию прав, с меньшим сроком существования и меньшим объемом правомочий [6].

Таким образом, применительно к сгенерированному нейросетями контенту отсутствие какой-либо правовой защиты создает стимулы для приписывания их авторства себе любыми лицами. Оптимальным выходом из ситуации было бы предоставление смежных прав на такой контент как разработчику нейросетей, так и пользователю.

В целом можно утверждать, что институт смежных прав способен стать гибким инструментом для решения правовых проблем, связанных с нейросетевыми технологиями, и обеспечения баланса интересов правообладателей, разработчиков технологий и пользователей.

Список литературы:

[1] Пиленко, А. Новый закон об авторском праве / А. Пиленко. – СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1911. – 168 с.

[2] Войниканис, Е. А. Базы данных и big data: точки пересечения / Е. А. Войниканис // Интеллектуальные права: вызовы XXI века : сб. докл. III межд. конф. / под ред. Э. П. Гаврилова, С. В. Бутенко. – Томск : Нац. исслед. Томский гос. ун-т, 2021. – С. 31–42.

[3] Войниканис, Е. А. Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов / Е. А. Войниканис // Е. А. Войниканис, Е. В. Семенова, Г. С. Тюляев // Вестн. ВГУ. Серия: Право. – 2018. – № 4. – С. 137–148.

[4] Царева, А. Е. Некоторые аспекты договорного перехода прав на системы искусственного интеллекта / А. Е. Царева // Вестн. ЮУрГУ. Сер. «Право». – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 79–84.

[5] Василевская, Л. Ю. Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации / Л. Ю. Василевская // Вестн. Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 5. – С. 32–40.

[6] Government response to call for views on artificial intelligence and intellectual property (Upd. 23 March 2021) – https://www.gov.uk/government/consultations/artificial-intelligence-and-intellectual-property-call-for-views/government-response-to-call-for-views-on-artificial-intelligence-and-intellectual-property/

[7] Gaon, A. H. The Future of Copyright in the Age of Artificial Intelligence / A. H. Gaon. – Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA : Edward Elgar Publishing, 2021. – 272 p.

[8] Бузова, Н. В. Искусственный интеллект и использование баз данных как объектов смежных прав / Н. В. Бузова // Lex Russica. – 2020. – № 8. – С. 62–70.

References:

[1] Pilenko, A. New Copyright Law/A. Pilen-co. - St. Petersburg: Ed. A.S. Suvorina, 1911. - 168 s.

[2] Voynikanis, E. A. Databases and big data: translation points/E. A. Voynikanis//Intellectual rights: challenges of the XXI century: Sat. doc. III inter. conf ./ed. E.P. Gavrilov, S.V. Butenko. - Tomsk: Nats. †. Tomsk State University, 2021. - S. 31-42.

[3] Voynikanis, E. A. Artificial intelligence and law: you-calls and the possibilities of self-learning algorithms/E. A. Voynikanis//E. A. Voynikanis, E. V. Semenova, G. S. Tyulyaev//Western. VSU. Series: Right. – 2018. – № 4. - S. 137-148.

[4] Tsareva, A.E. Some aspects of the contractual transfer of rights to artificial intelligence systems/ A.E. Tsareva//Vestn. SUSU. Ser. “Right.” – 2021. - T. 21, NO. 4. - S. 79-84.

[5] Vasilevskaya, L. Yu. Artificial intelligence: problems of civil qualification/L. Yu. Vasilevskaya// Vestn. University named after O. E. Kutafina (Moscow State Law Academy). – 2023. – № 5. - S. 32-40.

[6] Government response to call for views on artificial intelli-gence and intellectual property (Upd. 23 March 2021) – https://www.gov.uk/government/consultations/artificial-intelligence-and-intellectual-property-call-for-views/government-response-to-call-for-views-on-artificial-intelligence-and-intellectual-property/

[7] Gaon, A. H. The Future of Copyright in the Age of Artificial Intelligence / A. H. Gaon. – Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA : Edward Elgar Publishing, 2021. – 272 p.

[8] Buzova, N.V. Artificial intelligence and the use of databases as objects of related rights/N.V. Buzova//Lex Russica. – 2020. – № 8. - S. 62-70.

